

Старший брат по школе Гэ Цзяньпин выглядел расхлябанно: во рту травинка-лисий хвост, в руке молот. Красивое лицо при этом казалось чуть простодушным.

Он был очень дружелюбным культиватором и всегда любил заботиться о младших братьях и сёстрах по школе. В таких делах чувствовал себя как рыба в воде и повёл Чу Синланя осваиваться на пике Чжаоян.

— Младший брат только пришёл, многого может не знать. Если что-то понадобится — спрашивай меня. Наставник часто ходит с холодным лицом, но на самом деле он хороший человек. Поживёшь рядом — сам поймёшь.

После той истории характер наставника с каждым днём становился всё страннее. В глазах окружающих он превратился в человека, который особенно любит мучить учеников.

Они шли уже довольно долго, но Чу Синлань так и не встретил ни одного другого старшего брата или сестру по школе. В душе тут же появилось дурное предчувствие.

Чу Синлань опустил глаза и задумчиво спросил:

— Старший брат, мы идём уже так долго, а других учеников всё нет. Где остальные старшие братья и сёстры? Я только вступил и хотел бы сначала со всеми познакомиться.

Людей здесь было так мало, что возникало ощущение, будто его специально завели в безлюдное место для убийства.

— Если ничего неожиданного не произошло, на нашем пике, кроме меня, теперь только ты, — Гэ Цзяньпин улыбался так радостно, словно приветствовал ещё одного несчастного, угодившего в яму. — Если бы никто больше не пришёл, я бы один здесь до смерти заработался.

Небеса, вы наконец-то открыли глаза и заметили, как я устал!

Мин Сюань уже получил тяжелейшую психологическую травму от приёма учеников. Гэ Цзяньпин и не думал, что при жизни ещё увидит, как наставник снова кого-нибудь примет.

Может быть, это значит, что сердечный узел, мучивший наставника много лет, постепенно начнёт распутываться?

Чу Синлань всё сильнее чувствовал неладное.

— А прежние старшие братья и сёстры? Я слышал, что наставник раньше принимал учеников десятками, если не сотнями.

О Мин Сюане из Тяньяня Чу Синлань кое-что слышал. Говорили, он обожал подбирать учеников повсюду, и Пик Артефактов почти превратился в сиротский приют.

Но примерно сто лет назад он внезапно исчез из общественной жизни. Никто не видел, чтобы его ученики завершали обучение. Одно время даже ходили слухи, что Мин Сюань умер.

У Чу Синланя ёкнуло сердце. Он вспомнил могилы, покрывавшие весь Пик Артефактов. На надписях смутно просматривались имена и поколения — всё ученики примерно одного времени.

— Неужели это...

— Наш пик будто проклят. Кто предал — тот сбежал, кто не сбежал — умер. Кроме меня, никто не выжил. Могилы, которые ты видел, принадлежат твоим старшим братьям и сёстрам. Младший брат, живи хотя бы сто лет, не заставляй наставника снова хоронить молодых раньше стариков.

Кроме Гэ Цзяньпина, каждый ученик, которого принимал Мин Сюань, погибал трагической смертью. Его Дао-сердце долго было разбито. Ещё один удар — и Гэ всерьёз боялся, что наставник на месте станет демоном.

— Старший брат, если считать «сто лет» долгой жизнью, то мне уже недолго осталось, — мрачно заметил Чу Синлань.

Гэ Цзяньпин моментально исправился:

— Тогда считай, я ничего не говорил. Желаю тебе счастья, как Восточное море, долголетия, как Южная гора, и жизни длиннее, чем у тысячелетней черепахи и десятитысячелетней черепахи вместе!

Список странных благословений пополнился ещё одним.

Чу Синлань развернулся и пошёл прочь.

— Моя судьба недостаточно крепкая. Я внезапно понял, что быть странствующим культиватором тоже неплохо.

Для культивации прежде всего надо остаться в живых.

Неудивительно, что ученики у подножия смотрели на него так странно, когда он сказал, что хочет на Пик Артефактов. Оказывается, это буквально кладбище учеников.

Этот пик убивает собственных учеников.

Старший брат внезапно вытащил меч, лицо стало серьёзным.

— В нашей секте возможно только умереть, но невозможно покинуть школу. Таковы правила. Младший брат, лучше сам заранее выбери подходящую могилу и потом спокойно ляжешь рядом с остальными.

На их пике уважали принцип «взяли — значит, уже не отпустим».

— Это правило наставник недавно заставил главу секты добавить специально, — Гэ Цзяньпин говорил с полной уверенностью и ничуть не возражал. — Сказал: пришёл на Пик Артефактов — значит, ты человек Пика Артефактов. Умрёшь — будешь его призраком. А если станешь культиватором-призраком, вообще прекрасно: отдыхать больше не надо, можно изготавливать артефакты каждый день.

Чу Синлань потерял дар речи.

— Тогда в следующий раз надену кроссовки Nike.

Интересно, можно ли доставить посылку через пространство и время?

Чу Синлань вспомнил запрещающую надпись у входа и из любопытства спросил о ней.

Характер Мин Сиюэ пока оставим в стороне, но Сан Цзинъюань действительно не казался плохим человеком.

— Наш пик и пик Цзыся — кровные враги. Без необходимости не связывайся с ними. Каков верх, таков и низ — там ни одного хорошего человека.

Гэ Цзяньпин посмотрел на жетон у пояса Чу Синлани и предупредил:

— Особенно держись подальше от Мин Сиюэ и Сан Цзинъюаня. Оба впадают в крайности.

— Раз у тебя при себе сектантский жетон, ты наверняка уже слышал о них.

Чу Синлань подумал о знакомых ему двоих.

— Старший брат Сан хороший человек. А Мин Сиюэ... можно сказать, уже начал приобретать человеческий облик.

— Хороший человек? Если понадобится посадить тебя под арест, рука у него не дрогнет. А Мин Сюэ... тут даже оценивать не хочется.

— Так что у вас за ненависть? Старший брат, расскажи. Если они увидят меня и начнут язвить, а я даже не пойму, на что отвечать, как же тогда правильно язвить в ответ?

Гэ Цзяньпин подумал и кратко изложил кровавую историю между двумя пиками.

— Я был там. Если совсем коротко: дядя-наставник Сан Линьвань внезапно обезумел и перебил учеников пика Чжаоян. Потом наставник убил дядю-наставника Сана. Мне повезло чуть больше — я выжил.

После этих бурь Гэ Цзяньпин выглядел куда спокойнее большинства людей.

Чу Синлань:

— ...

Вот это действительно кровная вражда.

Что именно произошло во время той страшной внутренней резни, никто до сих пор не знал. Было известно лишь, что Сан Линьвань погиб от руки Мин Сюаня, большинство учеников пика Чжаоян умерло, а Мин Сюань за одну ночь поседел и больше не принимал учеников.

Оба пика держались собственных версий и считали всё происками противоположной стороны. Одни говорили: месть за убитых учеников не может быть забыта. Другие: месть за убитого наставника не может быть забыта. Так, шаг за шагом, они стали смертельными врагами.

Когда противостояние стало всё сильнее и появилась угроза новой резни между соучениками, глава секты Мин Чжаньсянь лично вмешалась и остановила трагедию.

Но до сих пор оба пика продолжали сталкиваться лбами и при каждой встрече старались подложить друг другу свинью.

— В общем, наши два пика издавна смертельные враги. Без нужды держись от них подальше.

Гэ Цзяньпин передал Чу Синланю нефритовый жетон личности.

— Наставник говорит, что дядя-наставник Сан живучий как таракан, которого невозможно прибить, и, скорее всего, до сих пор жив. Ради жизней нас двоих, младший брат, постарайся прожить подольше. А чтобы тебя сначала не угробили сами правила секты, вот это возьми.

Чу Синлань получил свод правил толщиной почти с кирпич и уже собирался отправиться в Зал Дел Секты за ежемесячным довольствием.

Гэ Цзяньпин хотел проводить его, но Чу Синлань увидел, что тот один ведёт дела целого пика и буквально не успевает присесть. Поэтому отказался и решил идти сам.

На пике находилась формация переноса, откуда можно было попасть прямо к Залу Дел Секты. Чу Синлань направился туда.

В бамбуковой роще дрожали тени листьев. Из глубины доносилась протяжная мелодия циня — жалобная, печальная, будто горный дух заманивал проходящих внутрь.

Стоило Чу Синланю войти в рощу, как музыка мгновенно наполнилась убийственным намерением. Струны словно превратились в ци мечей и пронеслись рядом с ним.

— Так это ты новый ученик Мин Сюаня?

Чу Синлань внезапно почувствовал холодную злую волю, направленную на него. Она тут же скрылась, но он успел её уловить.

— Едва вступил — и уже можешь создавать настолько прекрасные артефакты. Неудивительно, что он так тебя любит. Не то что я — я умею лишь вызывать у него раздражение.

Ощувив непостижимо глубокую культивацию собеседника, Чу Синлань мгновенно принял боевую стойку.

Вот этот язвительный тон...

Он буквально ощущал чужой показатель ненависти.

Неужели на него положил глаз поклонник его наставника?

<http://bllate.org/book/20989/2161511>